
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
SCIENTIFIC HERITAGE

УДК 81.272

DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-198-216

**О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКА И
ДИАЛЕКТА В РОМАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ****Борис П. Нарумов**

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Публикуемый материал представляет собой фрагмент из незавершенной работы Б.П. Нарумова (1946–2007), посвященный некоторым критериям определения и противопоставления языка и диалекта в работах по романскому языкознанию. Рассматриваются, в основном, критерии, основанные на анализе социолингвистической ситуации в странах романской речи, в том числе критерий языкового сознания говорящих и критерий взаимопонимания между носителями различных идиомов. Оба этих критерия достаточно неоднозначны. Говорящие на диалектах могут не осознавать своей принадлежности к определенному диалектному ареалу. Взаимопонимание же возможно между носителями разных языков, и уровень его может колебаться. Анализируется также теоретическое осмысление в романистике соотношения между языком, нацией и государством и процессы вписывания языковых меньшинств в структуру многонациональных и многоязычных государств. Наиболее универсальным оказывается критерий социолингвистического статуса, так как официализация языкового образования, как правило, связывается с его утверждением как языка.

Ключевые слова: романские языки, языковая стратификация, социолингвистическая ситуация

Criteria for LANGUAGE vs DIALECT differentiation in Romance linguistics**Boris P. Narumov**

Institut of Linguistics, Russian Federation

The published material is a fragment from an unfinished book by B.P. Narumov (1946–2007) on the criteria for defining and differentiating language and dialect in Romance linguistics. The criteria are basically centered around the sociolinguistic situation in the countries of Romance languages, including the language consciousness of speakers and the mutual intelligibility between various idioms. Both criteria appear to be rather ambiguous. The speakers of dialects may be unaware of their own affiliation to a certain dialectal area. As for the mutual intelligibility, it may sometimes settle between the speakers of different languages, too. Also, its level tends

to fluctuate. The paper examines the adopted in Romance linguistics theoretical conception of the way language, nation and state are related to one other. Another basic point Romance philologists make is the means for language minorities to integrate into multinational and multi-language states. The criterion of a sociolinguistic status proves to be the most universal, as the process of a linguistic entity gaining official status is usually accompanied by its establishing in the capacity of language.

Keywords: *Romance languages, language stratification, sociolinguistics situation*

Предисловие

Публикуемый текст является частью незавершенного исследования нашего коллеги Бориса Петровича Нарумова (1946–2007). Этот материал должен был войти в его докторскую диссертацию и, в дальнейшем, в книгу. В работе предполагалась теоретическая глава, посвященная методологии романского языкознания и, в частности, критериям противопоставления языка и диалекта в трудах романистов XX века. Ограниченный объем журнальной статьи не позволяет представить эту главу полностью, поэтому для публикации в журнале «Социалингвистика» были выбраны фрагменты, в которых анализировались критерии социалингвистического плана. Это несколько сузило горизонты проведенного автором анализа, поскольку им рассматривались такие критерии, как наличие художественной литературы, высокая эстетическая оценка идиома и его престижность, возможности того или иного варианта как языка образования и др.

Б.П. Нарумов много занимался социалингвистикой; достаточно упомянуть его книгу, написанную в соавторстве с Т.Б. Крючковой (Зарубежная социалингвистика. Германия. Испания. М.: Наука, 1991), а также многочисленные статьи, посвященные анализу социалингвистических ситуаций в странах романской речи и описанию романских миноритарных языков (галисийского, каталанского, сардинского, южнодунайских идиомов и др.). Помимо прекрасного знания материала, его отличало очень вдумчивое отношение к методологическим и теоретическим основам научных описаний, представлявших и трактовавших этот материал.

Разумеется, поскольку речь идет о незавершенном труде, автор очень выборочно подошел к анализируемым исследованиям, вероятно, предполагая расширить и дополнить свою работу (тем более, что публикуется лишь часть написанного). Будучи испанистом по основной своей специальности, Б.П. Нарумов основное внимание уделил именно иберо-романскому ареалу, указав, в ряде случаев, что анализ ситуации в Италии дает несколько иную картину. Естественно, что за последние два десятилетия появились новые работы, которые заслуживают того, чтобы быть включенными в обзоры по методологии романской социалингвистики. Отметим лишь заключительные (хотя и маркированные первыми номерами) тома фундаментального издания RLR: *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Bd. I, 1. *Geschichte des Faches Romanistik. Methodologie (Das Sprachsystem)*. Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag, 2001. 1053 S.; *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Bd. I, 2. *Methodologie (Sprache in Gesellschaft / Sprache und Klassifikation / Datensammlung und – verarbeitung)*. Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag, 2001. 1194 S.

Но, на наш взгляд, выделенные автором критерии приложимы не только к рассмотренным им работам: они достаточно универсальны и могут быть успешно

применены и при анализе социолингвистических исследований новейшего времени.

Романский мир отличается удивительным разнообразием языковых вариантов, многоаспектностью социолингвистических ситуаций, сложностью в определении языковой и этнической идентификации. Эти факты и явления были предметом, над которым размышляли и лингвисты, и писатели, и сами носители романских языков в течение нескольких столетий. Публикуемый текст, по нашему мнению, свидетельствует об умении Б.П. Нарумова проводить глубокий анализ материала и видеть в частности общее, а в теоретических обобщениях – отражение подробностей языковых ситуаций.

Представляется, что проведенное Б.П. Нарумовым осмысление идей и методов романской социолингвистики может быть интересно и тем, кто занимается языками других групп и семей.

Материал публикуется в редакции И.И. Чельшевой; подбор и оформление библиографии выполнены А.А. Ануфриевым.

И.И. Чельшева

Критерий языкового сознания говорящих при определении языка и диалекта

Критерий языкового сознания говорящих используется в романистике чаще при определении языка, чем диалекта, что, по-видимому, обусловлено тем обстоятельством, что диалектофоны, особенно в современной ситуации, рассматривают свою речь как разновидность реализации общегосударственного языка, а не того или иного диалекта. О существовании диалекта они могут иметь смутное представление или не знать о нем вовсе. А. Мейе в свое время определял диалект как совокупность значительно сходных по структуре говоров, в развитии которых обнаруживается ряд общих инноваций и носители которых ощущают себя членами особой языковой группы в пределах языка, то есть носителями особого диалекта [Meillet 1928: 129]. Современные исследователи подходят к оценке диалектного сознания более критически. Так, К. Бохман не отрицает наличия диалектного сознания, однако оно никогда не сопровождается требованием нормализации диалекта, превращения его в язык, ибо диалектофоны отождествляют себя в большей мере с национальным и/или государственным языком и с соответствующей коммуникативной общностью [Bochmann 1985: 7].

В пример можно привести свидетельство Ф. Фернадеса Рея: его исследования подтверждают, что говорящие по-галисийски не осознают того, что они говорят на том или ином диалекте. Следует учесть к тому же, что схема диалектного членения Галисии неоднократно менялась, до сих пор остается предметом дискуссий и не является частью языковых репрезентаций обычных говорящих. Галисийцы осознают лишь то, что они говорят по-галисийски, а не по-испански или по-португальски, хотя могут заявить при этом, что их галисийский не чистый, а смешанный с испанским – чапуррао [Fernández Rei 1985: 485].

Автор социолингвистического исследования, проведенного в деревне Вильядепера (Астурия, Испания) Боррего Ньето пишет, что ее жители не имеют ни малейшего представления о том, что их говор относится к леонскому диалекту; они считают, что говорят на более или менее искаженном испанском языке [Borrego Nieto 1981: 344].

Любопытным образом критерий языкового сознания может включаться в число используемых при отнесении диалекта к языку, но в определении самого диалекта языковое сознание не учитывается [Montes Giraldo 1987: 61]. Такая позиция, по-видимому,

соответствует объективному положению дел в значительной части романоязычных ареалов – наличию у диалектофонов языкового, а не диалектного сознания. Однако не следует забывать, что имеются ареалы (в Испании это Андалузия, в Италии практически все ареалы), в которых говорящие на диалектах хорошо осознают особенности своей речи и ее соотношенность с диалектом определенной исторической области.

Критерий сознания говорящих не всегда присутствует и при определении языка. Разумеется, он исключается из рассмотрения, если исследователь занимает традиционную, строго объективистскую позицию; ярким выражением такой позиции является следующее заявление Э. Пулграма: «В задачу лингвиста не входит совершенствование мира с помощью лингвистики, но он все же может попытаться распространить учение о том, что в борьбе между языком и диалектом речь идет не о фактах, а о именах и субъективных предрассудках» [Pulgram 1987: 86].

Для социолингвистики характерен прямо противоположный подход. К. Бохман при определении и языка, и диалекта привлекает, наряду с такими критериями, как типологическая дистанция, наличие кодифицированной нормы и объем функций, также и критерий оперативного языкового сознания (то есть такого сознания, которое претворяется в конкретные действия), причем, если при определении языка все прочие критерии оказываются недейственными, критерий языкового сознания остается единственно определяющим [Bochmann 1989, 25]. В соответствии с этим язык и диалект получают следующие определения.

«Язык есть диасистема, которая или отличается минимумом типологических особенностей от любой другой диасистемы, или признается языковой общностью независимым языком на основе особого национального или этнического сознания. Кодифицированная норма и полифункциональный узус могут иметься в наличии, или же ставится цель их достижения».

«Диалект есть система, которая не опирается ни на требуемый минимум типологических различий, ни на оперативное языковое сознание; иными словами, она подчинена языку в лингвистическом и социокультурном плане. Кодифицированная норма и полифункциональный узус отсутствуют, и не ставится целью их достижение» [Bochmann 1989: 27].

В другой работе К. Бохман в принципе допускает возможность считать языком любую языковую систему, которая признается таковой коллективом говорящих, рассматривающих себя в качестве особой общности, а свой язык – как собственный, отличный от всех других языков. В сходном с вышеприведенным определении языка он указывает, что «язык в социолингвистическом смысле – это любая языковая система, которая на основе определенных структурных особенностей (с чисто лингвистической точки зрения они могут показаться нерелевантными) признается коллективом говорящих, рассматривающих себя с этнической, социально-исторической и культурной точки зрения в качестве особой общности, как свой собственный, отличный от всех других язык» [Bochmann 1985: 7].

Разумеется, подобный подход не всем представляется приемлемым, и Маринер Бигорра задается вопросом: если некая социальная группа или класс обнаруживает намерение создать для себя особый язык, то приобретает ли язык соответствующий статус при наличии одной только воли достичь этой цели или же требуется реализация такого намерения? Может ли социолингвист считать некую языковую разновидность языком или диалектом в зависимости от требований говорящих, описывающих их лингвистов

или кодификаторов? [Mariner Bigorra 1981: 333]. Однако у К. Бохмана речь идет об оперативном языковом сознании, а не просто о мнении тех или иных групп говорящих; не случайно Марселлези и Гарден в своем определении языка исходят из того, что языковые классификации – это все же нечто объективное, творимое в процессе языковой деятельности, протекающей в связи с теми репрезентациями, которые существуют в обществе и передаются по традиции [Marcellesi, Gardin 1974: 249]. Это означает, что для создания новой традиции необходимы конкретные действия, которые и воплощаются в формах нового стандартного языка.

Несколько по-иному подходит к проблеме Созе, когда указывает, что осознание говорения на одном и том же языке может быть в такой ситуации, когда у говорящих есть общее грамматическое ядро, в то время как периферия грамматической системы может быть разной [Sauzet 1988, 237].

К области языкового сознания относится и исторический критерий, или критерий традиции. Этот критерий позволяет называть языками те идиомы, которые в качестве таковых издавна признаны самими носителями этих языков и соседними народами. Таким образом, этот критерий относится, собственно, к области языкового сознания говорящих, нашедшего отражение в их металингвистической рефлексии. В пример можно привести типологически близкие каталанский и окситанский языки, которые в Средние века считались разными языками, носителями разных культурных традиций и литератур, и только в эпоху распространения объективистских методов сравнительно-исторического языкознания в XIX – начале XX в. возникло сомнение в целесообразности выделения двух языков. Отсюда длительные дискуссии относительно статуса каталанского в «научном» языкознании, удивительным образом протекавшие в полном отвлечении от процессов языковых преобразований в странах каталанского языка [Puig i Moreno 1979: 61; Badia i Margarit 1981: 20; Lamuela, Murgades 1984, 18].

Критерий взаимопонимания при определении различий между языком и диалектом

Критерий взаимопонимания оказывается, пожалуй, наиболее спорным и наиболее абстрактным критерием при определении как языка, так и диалекта. Применяется он непоследовательно и фигурирует не в каждом определении языка/диалекта, и, главное, он не подкрепляется какими-либо полевыми исследованиями, поэтому само понятие «взаимопонимание» оказывается чем-то умозрительным и субъективным, хотя некоторые романисты весьма трезво оценивают возможность применения этого критерия.

Критерий взаимопонимания использует, например, Г. Сальвадор при определении понятия языка: «Язык – любая лингвистическая система, достаточно отличная от другой или других того же или иного происхождения, чтобы препятствовать достижению взаимопонимания без обращения к другим языковым средствам соответствующих говорящих» [Salvador 1987: 93]. В этом определении взаимосвязаны две неясные величины: системные различия, считающиеся достаточными, и наличие/отсутствие взаимопонимания. Как отмечает Лефевр, взаимопонимание не может быть оценено только в терминах наличия/отсутствия; существует континуум взаимопонимания – взаимного непонимания, и, хотя люди, не понимающие друг друга, обычно осознают себя членами разных языковых общностей, те, кто достигает взаимопонимания, не обязательно принадлежат одной языковой общности [Lefebvre 1988: 268–269]. Многие лингвисты отмечают, что взаимопонимание может быть достигнуто и между носителями

двух языков (например, испанского и португальского), и в то же время оно может отсутствовать между носителями диалектов; в пример приводятся, разумеется, диалекты Италии (например, пьемонтский vs. сицилийский или калабрийский).

Возможность взаимопонимания часто принимается а priori, как само собой разумеющееся; особенно часто это происходит, когда речь идет о фриульском или окситанском ареале (ср. утверждение: «всякий носитель любого окситанского диалекта в основном способен понимать речь говорящего на любом другом диалекте» [Maurand 1981: 100]); это означает, что возможность взаимопонимания представляет собой некую идею, составляющую часть языкового сознания говорящих в результате ее культивирования определенными носителями. В действительности взаимопонимание может сводиться к ощущению говорения на одном и том же языке [Marcellesi, Gardin 1974: 207], то есть, по существу, для говорящих важна их языковая идентичность или инаковость.

В ряде работ проводится мысль о том, что носители разных лингвем, вступая в контакт между собой, учатся взаимопониманию. В несколько прямолинейной и наивной формулировке это выражено так: «Когда два человека среднего культурного уровня, не специалисты, достаточно понимают друг друга после получасового разговора, можно утверждать, что они говорят на двух разновидностях одного и того же языка» [Mariner Bigorra 1981: 339]. При всей неприемлемости подобного определения языка в этом высказывании верно отмечается возможность установления взаимопонимания в результате сознательных усилий говорящих. А. Созе отмечает, что практика общения на окситанском языке приверженцев идей окситанизма, т. е. существования единого окситанского языка, показывает, что взаимопониманию учатся, если желают его достичь [Sauzet 1988: 252].

Как бы то ни было, при общем определении языка критерий взаимопонимания малопригоден, тем более что этот же критерий используется и при определении диалекта; так, Тюайон определяет диалект как сумму сходств между патуа (из которых складывается диалект), обуславливающих возможность взаимопонимания [Tuailon 1988: 191]. Марселлези и Гардэн также определяют диалект как систему знаков и комбинаторных правил того же происхождения, что и язык; отсюда проистекает возможность взаимопонимания между носителями разных диалектов [Marcellesi, Gardin 1974: 207].

В целом можно сделать вывод, что взаимопонимание возможно между носителями таких лингвем, которые обнаруживают системные сходства; при этом их статус языка или диалекта значения не имеет. Если языки и диалекты мыслятся как последовательные ступени абстрагирования от языковой реальности, как пучки изоглосс, то вводить критерий взаимопонимания не имеет никакого смысла; ведь если, например, тот или иной диалект выделяется в научных трудах как сумма определенных языковых особенностей, это не значит, что существует и соответствующая коммуникативная общность; как верно отмечает К. Бохман, ее чаще всего и не бывает [Bochmann 1985: 8].

Иное дело, когда в данной общности происходит социализация общего стандартного языка, который «налагается на языковые системы того же происхождения, именуемые диалектами» [Alvar 1961: 55–56]; в таком понимании «язык» как лингвема, способная удовлетворить любые коммуникативные потребности, действительно помогает достижению наивысшей степени взаимопонимания между членами данной общности, равно как и конституирует саму эту языковую общность [Marcos Marín 1979: 32].

Наличие взаимопонимания между носителями различных говоров служит

предпосылкой для создания стандартного языка как средства всеобщего взаимопонимания. По мнению П. Бека, это свидетельствует о том, что наряду с конкретными языковыми подсистемами существует, пусть в области бессознательного, общая языковая суперструктура, стоящая за отдельными речевыми актами [Вес 1973: 24].

Функциональный аспект противопоставления языка и диалекта

Функциональный критерий различия языка и диалекта является одним из важнейших и тесно связан со внутрискруктурным и нормативным критерием. Язык является полифункциональной лингвемой, что предполагает наличие кодифицированной нормы [Bochmann 1989: 25]. Язык обладает «полной» грамматической и лексической структурой, а значит, и автономной, диалект же, используясь вне традиционных сфер общения, вынужден заполнять лексические лакуны за счет опорного языка [Badia Margarit 1981: 20]. Диалект предназначен в основном для устной коммуникации в определенных сферах и ситуациях, поэтому он отличается от языка в лексико-семантическом плане: в нем сохраняется традиционная терминология сельского хозяйства, рыболовства, охоты, старинных ремесел, остатков магии и религии прошлых эпох [Alinei 1996: 73–74].

Мондехар отмечает, что некоторые исторические диалекты латыни достигли социолингвистического статуса национального или официального языка, однако если какие-либо из них послужили средством выражения значительной литературы, оказались носителями особой культуры и мировоззрения, то их также следует считать языками, хотя и неофициальными [Mondéjar 1998: 973]. В пример приводятся каталанский и галисийский языки. Относительно же галисийского Р. Карбальо Калеро отмечает, что, если язык – «идиоматическое единство», с помощью которого выражается некоторое культурное содержание, а диалект – идиоматическое единство, ограниченное исключительно разговорной сферой, то история галисийского предстает как история его диалектализации [Carballo Calero 1980: 118]. Вместе с изменением набора функций изменяется и статус лингвемы как языка или диалекта.

Х. Монтес Хиральдо, однако, считает диалектами как генетико-структурные, так и гетерогенные варианты; тем самым он отдает предпочтение функциональному критерию (критерию функциональной подчиненности) перед структурным и определяет диалект как не историко-структурный, а функциональный вариант языка [Montes Giraldo 1987: 27, 61]. В результате функциональным вариантом испанского языка оказывается не только, скажем, астурийский, но и баскский, и, таким образом, понятие варианта предельно расширяется.

Различия между языком и диалектом с точки зрения социолингвистического статуса

Любая лингвема является особым рода социальным институтом. Так полагал один из основоположников французской социальной лингвистики, М. Коэн, рассуждая при этом вполне в духе Соссюра: если мы называем институтом всякий значительный социальный факт, необходимый для жизнедеятельности любой социальной группы, то тогда язык (langage) – тоже институт, несмотря на его естественный, а не договорной (concerté) характер; естественность здесь равнозначна неосознаваемому характеру языковой эволюции. Если же называть институтами политические, административные и юридические механизмы, то в целом язык не является институтом, хотя и может следовать за судьбой институтов в узком смысле слова. В современном обществе,

однако, язык является частью социальных институтов [Cohen 1971: I, 63]. Эти не совсем четкие формулировки, по-видимому, следует понимать так, что в ходе развития того или иного общества язык становится все более осознаваемым социальным институтом, и в современном обществе манипуляция языком становится одним из видов деятельности социальных институтов в обычном понимании. В таком случае диалект отличается от языка тем, что остается на стадии неосознаваемого социального института и рискует раствориться в языке, если эта угроза не станет осознаваемой и не будут созданы соответствующие институты для ее устранения.

Четкое различие между внутриязыковым и социолингвистическим подходом к языку проводит П. Соце, который различает язык как грамматику и язык как институт. В реальности существуют ментальные грамматики, число которых равно числу говорящих. На основе сравнительно близких грамматик (позволяющих достигать взаимопонимания) могут быть созданы всякого рода искусственные построения – институционализированные языки, которые затем могут обрести (или не обрести) определенный социальный статус, отдельное наименование и начать употребляться в качестве инструмента разнообразных видов социальной и эстетической деятельности [Sauzet 1988: 210, 236]. В таком случае язык можно считать социальной категорией высшего ранга, поскольку он призван стать общим средством взаимопонимания в данной общности, удовлетворять всем его коммуникативным потребностям [Marcos Marín 1979: 32], в то время как остальные пространственные варианты оказываются языками более низкого ранга, будучи ограничены в физическом и коммуникативном пространстве. Отсюда проистекает и престижность языка в сравнении с диалектом.

Автор истории итальянского языка М. Мейден, полагая, что между языком и диалектом нет различий со структурной точки зрения, утверждает, что «ярлык языка получили те ренессансные диалекты, которые приобрели политическую и/или культурную престижность в границах некоторой территории (часто, но не обязательно территории нации-государства), получили более высокий статус в сравнении с другими связанными с ними речевыми вариантами; им подражают те, кто желает писать и говорить “правильно”, и обычно они фиксируются в грамматиках предписывающего характера» [Maiden 1995: 3–4].

В принципе, любой диалект может представляться как язык не только потому, что в нем обнаруживается регулярность и он поддается нормализации, но и потому, что прославлен писателями [Varvaro 1984: 235]. Понятно, что социально-политический критерий различения языка и диалекта самый спорный не в смысле его применимости, а в том смысле, что его конкретное применение всегда протекает в атмосфере ожесточенной полемики. Достаточно указать на такой язык, как галисийский в его отношении к португальскому. Р. Карбальо Калеро, рассуждая в качестве реинтеграциониста, объявил галисийский вариант/диалектом португальского языка исключительно в социальном аспекте как менее престижную форму речи по сравнению с официальной формой языка «соседней республики» [Carballo Calero 1980: 116], хотя галисийский и португальский не являются компонентами одной социолингвистической ситуации. Ясно, что такая оценка галисийского языка для многих оказывается неприемлемой.

В Италии престиж диалекта может быть достаточно высок, ведь для этой страны характерны диалекты «культурной колонизации», распространяемые из культурных центров: венецианский в результате своего распространения в северо-восточной части Италии наложил на фриульский и «подавил» в свое время такие местные варианты, как

падуанский, триестинский, истриотский, а тосканский наложился на говоры Корсики и части Сардинии [Grassi 1995: 13].

Как бы то ни было, социолингвистический статус остается одним из важнейших критериев различия языка и диалекта.

Другим аспектом рассмотрения является соотнесенность языков и диалектов с определенными общественными классами. Здесь вырисовывается следующая историческая динамика. В свое время Жирмунский указывал, что средневековый поместно-территориальный диалект не является социальным говором подчиненной общественной группы, в отличие от современных крестьянских и мещанских диалектов. То был территориальный вариант, на котором говорили все жители данной территории. С образованием национального языка как общего, надтерриториального языка господствующих классов произошел разрыв между языком социальной верхушки, утратившим местные особенности, и диалектами подчиненных общественных групп [Жирмунский 1936: 34].

В том же духе трактует языковую историю и М. Алинеи. До возникновения письменного языка существовала геолингвистическая вариативность без социальных коннотаций, существовали лишь одни геоварианты, не маркированные социально. Наличие же письменного языка предполагает существование значительной социальной стратификации, а значит и диалектов – городских и территориальных. Поэтому в средневековой Европе диалекты, которые породили письменные языки, могут называться диалектами только по отношению к латыни как к доминирующему языку, поскольку национальных языков еще не существовало, но это уже и языки, так как они служат средством выражения для господствующих классов [Alinei 1996: 75–76].

Наконец, язык и диалект различаются своим юридическим статусом: диалект его лишен, а юридический статус языка – официальный – возможен лишь в том случае, если он подвергся нормализации [Falch 1973: 2].

Диамезический аспект рассмотрения соотношения между языком и диалектом

Диалект обычно определяется как язык устной коммуникации, используемый в определенных сферах и ситуациях. Наличие же письменного языка в данном ареале предполагает существование значительной социальной стратификации [Alinei 1976: 75]; собственно говоря, о языках и диалектах мы начинаем говорить именно с того момента, когда появляется письменная традиция. История взаимоотношений устных и письменных вариантов и составляет суть истории взаимоотношений языка и диалекта до тех пор, пока на основе письменной традиции, в результате социализации литературного языка, не возникают устные варианты этого языка, вытесняющие старые диалектные формы. С этого момента можно говорить только о языке и его диамезических вариантах.

Однако различия между письменной и устной речью в структурном плане могут сохраняться долго. Например, в канарском испанском местные особенности проявляются в устной речи всех слоев населения, которые следуют своей особой нормой, отличной от кастильской, однако в письменной речи «грамотного меньшинства» соблюдается официальная норма, поэтому такая ситуация характеризуется как умеренная диглоссия, подобная ситуациям в странах Латинской Америки [Catalán 1964: 247].

Проблематика соотношения языка и диалекта в диамезическом плане сводится к следующему.

1. Помимо различий в способе реализации, естественно, наблюдаются

функциональные различия в построении самого дискурса, в его тематике, текстовых связях и т. п. Эти само собой разумеющиеся различия выходят за рамки проблематики данной работы и рассматриваться не будут.

2. Между двумя формами реализации могут наблюдаться различия в отборе и использовании языковых единиц, поэтому можно сказать, что устная и письменная речь являются реализациями частично различающихся систем, а в случае, когда в устной сфере используется «диалект», а в письменной – «язык», возникает вопрос об описании взаимоотношений между ними в терминах вариантов и инвариантов.

3. Особую проблему составляют так называемые письменные (литературные, культурные) диалекты, в связи с чем возникает вопрос об обоснованности употребления соответствующих терминов.

В лингвистической литературе иногда используется словосочетание «стандартный диалект». По мнению Э. Пулграма, этим термином (нем. Standarddialekt) следует заменить немецкий термин *Schriftsprache* ‘письменный/литературный язык’, чтобы подчеркнуть, что литературный язык – всего лишь один из вариантов языка, одинаково называемых диалектами, хотя он наделен наибольшим социолингвистическим престижем и внутри соответствующего ареала «налагается» на локальные диалекты [Pulgram 1987: 85]. Такое терминологическое упрощение связано с упрощенным представлением о том, что стандартный диалект – это один из локальных диалектов, возвышение которого произошло отнюдь не по причине его особых структурных достоинств, а по причинам социального, исторического или литературного характера. Хотя Э. Пулграм признает, что с течением времени в стандартном диалекте развиваются особые свойства, особенно что касается стиля и словаря, он недооценивает тот факт, что такие свойства проявляются с самого начала появления письменной речи и сразу отличают ее от диалектной устной речи. Поскольку сам Э. Пулграм противопоставляет диалекты или локальные формы речи «наддиалектному» стандартному диалекту, неуместность использования слова «диалект» в данном случае совершенно очевидна.

Иные проблемы возникают по поводу термина «литературный диалект», который предполагает письменную форму реализации диалектной речи. Для многих лингвистов этот термин является приемлемым. Так, Р. Оти полагает, что можно говорить о литературном диалекте в случае, когда диалект используется в конвенциональной форме в функции местного литературного языка; тогда развитие письменной речи выражается формулой «письменный язык → литературные диалекты → литературный язык» [Auty 1958: 48]. Также Й. Йордан, ссылаясь на труды советских исследователей (В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова), выделяет в истории румынского литературного языка этап (до XIX в.), когда существовало несколько письменных языков – литературных диалектов, конкурирующих между собой [Jordan 1956: 71].

Термин «литературный диалект» неудобен в том отношении, что уподобляет менее локализованную в пространстве письменную форму речи, с самого начала носившую наддиалектный характер, более или менее четко локализованным формам устной речи, то есть диалектам в собственном смысле слова, и может возникнуть иллюзия, что литературный диалект – всего лишь письменная транспозиция устного диалекта. В этом отношении нейтральный термин «скрипта» предпочтительнее.

От скрипты = литературного диалекта следует отличать произведения диалектной художественной литературы, которая стала появляться во Франции и Италии с XVI в. В них диалект, сохраняя свои яркие отличительные признаки, предстает все-таки в

преображенном виде, подвергаясь некоторому упорядочению.

В среде романистов, в основном немецкоязычных, используется позаимствованный у славистов термин «культурный диалект». Х. Хаарман характеризует культурный диалект как письменный язык, используемый в художественной литературе, а в определенных случаях и в деловой сфере. Диалектом этот вариант называется потому, что по своим внутренним характеристикам он мало отличается от другой региональной формы языка, и обе эти региональные формы рассматриваются как варианты (=диалекты) некоторого единого языка. В качестве примера приводятся молдавский (Республики Молдова, бывшей Молдавской ССР) как культурный диалект, или вариант, полицентрического румынского языка и галисийский как культурный диалект португальского [Naarmann 1979: 321, 324]. Таким образом, термин «культурный диалект» применяется в такой ситуации, когда полицентрический язык, то есть язык без единой стандартной формы, расщеплен на региональные стандартные варианты.

Терминологическое предложение Хаармана было воспринято Х. Клоссом, который по отношению к диалектам, стремящимся к стандартизации, поначалу применял слишком суггестивный термин *Halbsprache* ‘полуязык’. Хаарман счел этот термин оскорбительным, и Клосс, учтя критику, предложил свой терминологический вариант – *Ausbaudialekt* ‘разрабатываемый диалект’ (история этого терминологического спора изложена в [Muljačić 1982: 177]).

Термин «культурный диалект» использует и Г. Боссонг, соотнося его с теми неороманскими языками, письменность на которых возникла поздно, а различные функциональные регистры в прошлом отсутствовали; в качестве примера самого молодого из европейских культурных диалектов приводится корсиканский [Bossong 1979: 498].

В романских странах термины «письменный диалект», «литературный диалект», «культурный диалект» используются редко, и это вполне объяснимо. Диамезическое варьирование – это не просто варьирование формы реализации и канала общения. Появление письменной формы в данном ареале означает коренное изменение языковой ситуации; с самого начала письменная форма качественно отличается от устных вариантов, имеет иную функциональную нагрузку и наделяется важной символической значимостью. Поэтому она приобретает совершенной иной (социо)лингвистический статус и не может носить то же наименование, что и устные варианты, на которые она опирается.

Проблема соотношения языка, нации и государства

Возрождение региональных романских языков во многих случаях, прежде всего в Испании, осуществляется на основе националистических идеологий, о чем иногда заявляется открыто. В Средние века, в период формирования христианских государств, языковой вопрос не стоял на переднем плане, ибо государственные образования были нейтральны по отношению к этническим языкам. Как отмечал еще Р. Менендес Пидаль, ни одно христианское королевство, за исключением Португалии, не опиралось на единственный язык, все они были двуязычными [Gimeno Menéndez 1995: 122]. По мнению А. Доза, для суверенов XVI–XVII вв. главным фактором государственного объединения была религия, а не язык; языковой фактор вошел в сознание масс лишь в XIX в., хотя он менее важен, чем экономическое и социальное единство, общность жизни, покоящаяся на добровольных началах [Dauzat 1940: 19–20].

Однако в эпоху становления современных европейских государств получили распространение националистические идеологии, вдохновляемые романтической философией, в которой обосновывалось нерасторжимое единство и взаимовлияние языка и нации [Blaschke 1980: 10].

Как отмечает Гёбль, формирование государств в Западной Европе следовало «западноевропейско-латинской модели» моноэтнического или, по крайней мере, моноязыкового государства, в отличие от «среднеевропейско-германо-славянской модели», которая допускала расхождение между не специфицированным в языковом отношении государством и проживающими в нем этносами или языковыми общностями, причем первая модель оказалась более динамичной в силу своей неустойчивости [Goebel 1984: 224].

Совпадение государства и нации в Западной Европе, формирование понятия «государство-нация» привели к обогащению понятия нации: в добавление к таким его элементам, как общность языка, культуры и религии, появились два новых элемента: общность территории и государственности. Подобного рода нация оказывается необходимо одноязычной и репрессивной как по отношению к собственному языку (пуризм), так и по отношению к миноритарным языкам, обреченным на вымирание [Freddi 1996: 77, 80]. Таким образом, в нации-государстве совпали «культурная нация» как духовное единство и «политическая нация» как единство государственное [Ara 1998: 27–29].

Как утверждает каталонский исследователь Ж. Мелья, смешение понятий нации и национального государства оказалось трагичным для этнических меньшинств; более того, бюрократическая и гегемонистическая концепция государства-нации, возобладавшая в XVIII в., оказалась катастрофической для европейской культуры в целом, ибо привела к колонизации провинций, к их культурной деградации [Melià 1970: 39, 66].

Реакцией на эти процессы оказалось формирование на основе сохранившихся языковых меньшинств национальных меньшинств в тех случаях, когда сохранялось сознание принадлежности к нации, отличной от той, на основе которой было создано государство [Olmí 1986: 18]. При этом, по мнению Гёбля, этноцентризм, глубоко укоренившийся в филологических, исторических и географических разысканиях, привел к тому, что национальное своеобразие стало представляться как вневременная величина, обладающая высочайшей ценностью [Goebel 1984: 223]. Хотя существование этнической идентичности бесспорно, и она составляет существенный элемент националистической идеологии, это все же не есть некая «естественная» константа, подобная расе или Volksgruppe [Blaschke 1980: 15].

Этничность возникает в результате взаимодействия различных социальных групп, ее возникновение и изменение определяются теми или иными общественными интересами, связанными с теми или иными производственными отношениями, однако в социальных конфликтах она может играть роль ведущей идеи. Социальные движения формулируются в этнических категориях там, где население определенного региона обладает длительной традицией интериоризации национальных символов; в других же регионах и при отсутствии такой традиции могут заново разрабатываться этнические символы и соответствующие идеи [Blaschke 1980: 16].

В националистических идеологиях XIX в. язык, нация и государство мыслились в неразрывном единстве; там, где некая этническая общность из политических, социальных и культурных соображений желает обособления, возникает попытка постулировать свой

собственный язык, даже если до этого его и не было. И наоборот, постулирование в романистике существования отдельного ретороманского, франко-провансальского или сардинского языка невольно способствовало созданию соответствующих языковых общностей.

Нация и язык в националистической идеологии увязываются столь тесно, что, например, Тьер утверждает, будто существование понятия «корсиканский народ» зависит от существования в будущем корсиканского языка [Thiers 1988].

В националистических идеологиях социальное сводится к национальному, варьирующий язык сводится к своей официальной форме, а народ мыслится как гомогенная общность [Marcellesi, Gardin 1974: 24], поэтому для национализма действительно уравнение «один народ = один язык». Язык унифицируется, предстает как неварьирующая система, тем самым националистическая мотивация в самой себе находит свое отрицание, ибо противоречит эволюционной мотивации сохранения языкового разнообразия, к которой она, вроде бы, была близка вначале [Marcellesi et GRECO 1975: 10].

Таким образом, в романистике выделяются два вектора, рассматриваемые как желательные. С одной стороны, политике языковой унификации в рамках единого государства необходимо противопоставить политику децентрализации, федерализма и регионализма и предоставить любой этнолингвистической и культурной общности право освоить прежде всего свое собственное историческое, культурное и языковое наследие [Jusquois 1991]. О том же писал и А. Доза: система федераций принесет беспокойным регионам Европы успокоение, стабильность и уверенность в будущем [Dauzat 1940: 264]. С другой стороны, столь же необходимо противостоять проведению в жизнь националистического лозунга «один народ = один язык»; ведь в действительности каждая «национальность» не только располагает собственным языком, но и использует другой язык, общий или язык других национальностей. Понятие национального меньшинства должно строиться на двоякой основе: как на особой языковой и культурной практике, обуславливающей чувство принадлежности к социальной общности, так и на основе множественности языковых практик и социальных связей, сосуществующих с упомянутой «исходной» практикой [Giordan 1975: 84].

В пример можно привести каталанскую нацию и язык. В Каталонии уже в XIV в. было в ходу выражение «каталанская нация» (*la nació catalana*), причем слово *nació* было синонимично словам *pàtria* ‘родина’, *província* ‘провинция’, которые выражали сильное чувство национальной общности, общности языка, культуры, истории [Elliott 1963: 42]. Каталанисты полагают, что есть достаточные свидетельства того, что осознание существования каталанской нации было четким и распространенным во всех классах средневекового общества, хотя в Средние века понятие нации смешивалось с понятием языка [Vilar 1982, 43]. В период же «упадка», особенно в XVIII в., «непрерывность» каталанского группового сознания существенно ослабла [там же, 75].

Если в основе испанского национализма лежит спиритуалистическая идея нации, а язык при этом не рассматривается как основной элемент нации, то в основе «периферийных национализмов», в том числе и каталанского, лежит натуралистическое представление о нации, характерное для Гердера [Ninyoles 1977: 42, 47]. Поэтому, если в начале каталанского Возрождения пользовались формулой «Каталония – родина, Испания – нация», то позже был выдвинут иной лозунг: «Каталония – нация, Испания – государство»; если родина – понятие психологическое, а государство – понятие политико-

юридическое, то в понятии нации заключено стремление достичь совпадения родины с государством [Vilar 1982: 41].

В связи с понятием нации следует рассмотреть и понятие национального языка, причем в соотнесении с понятием литературного языка. Если национальный язык рассматривается не как одна из форм существования языка, а как определенный этап в развитии этих форм, соотнесенный с процессом становления национального единства [Гухман 1970: 530], то прав Й. Йордан, говоря, что в Румынии и Италии литературный язык начал формироваться до национального языка, хотя при этом он считает, что в буржуазных государствах диалекты и местные говоры – это низшая форма национального языка [Jordan 1956: 73].

Что входит в понятие национального языка, может осмысляться по-разному. Национальный язык может приравниваться к официальному языку данного государства или же определяться как единый язык с длительной литературной традицией, основанной на койне; таковы итальянский, французский, испанский, португальский и румынский языки [Pellegrini 1972: 240]. В Италии понятие языка вообще ассоциируется преимущественно с понятием литературного, общего, национального языка. Например, как определить денотат сочетания «итальянский язык»? Его можно понимать как только стандартный язык (=флорентийский) или как совокупность всех идиомов, которые признают в качестве руководящего языка стандартный язык. Это значит, что итальянский язык включает в себя «разработанный язык» со своими региональными вариантами, субстандартные формы, диалекты и диалектные койне, которые часто являются настоящими подчиненными языками.

Литература

- Гухман М.М. (1970) Литературный язык. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
- Жирмунский В.М. (1936) Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Гослитиздат. 300 с.
- Alinei M. (1996) *Origini delle lingue d'Europa. I. La Teoria della Continuità*. Bologna : Il Mulino, 1996. 776 p.
- Alvar M. (1961) *Hacia los conceptos de lengua, dialecto y hablas*. Nueva Revista de Filología Española, año XV, no. 1–2. pp. 51–60.
- Ara A. (1998) *Coscienza nazionale, lingua, patriottismo locale. Ethnos e comunità linguistica: un confronto metodologico interdisciplinare*. Atti del Convegno Internazionale. Udine, 5–7 dicembre 1996. Udine: Università degli Studi di Udine. pp. 27–37.
- Auty R. (1958). *Some thoughts on the history of literary languages*. Cercetări de lingvistică. An. III. Supplement. pp. 40–52.
- Badia i Margarit A.M. (1981) *Entorn dels conceptes de “Llengua” i “Dialecte” aplicats sobretot al català*. Logos semantikos. Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu 1921–1981. Berlin – N.Y. – Madrid: Gredos. pp. 19–26.
- Bec P. (1973) *Manuel pratique d'occitan moderne*. Paris: A. et J. Picard. 219 p.
- Blaschke J. *Handbuch der europäischen Regionalbewegungen*. Frankfurt am Main: Syndikat. 335 p.
- Bochmann K. (1985) *Zum theoretischen Status und ideologischen Wert des Variationsbegriffes in der Romanistik*. Linguistische Arbeitsberichte. 51. Sektion Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft. Leipzig. pp. 2–17.
- Bochmann K. (1989) *Regional- und Nationalitätensprachen in Frankreich. Italien und Spanien*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie. 219 p.

- Borrego Nieto J. (1981) Sociolingüística rural. Investigación en Villadepera de Sayago. Salamanca: Universidad de Salamanca. 383 p.
- Bossong G. (1979) Sprachausbau und Sprachpolitik in der Romania. Bildung und Ausbildung in der Romania. Bd. 2. Sprachwissenschaft und Landeskunde. Klopfer R. et al. (Hrsg.). München: Verlag Wilhelm Fink. pp. 491–503.
- Boyer H. (1991) Langages en conflit. Études sociolinguistiques. Paris: L'Harmattan. 274 p.
- Carballo Calero R. (1980) A fortuna histórica do galego. Problemática das linguas sen normalizar. Situación do galego e alternativas. Aracil L.V. et al. Ourense: Caliza. pp. 15–27.
- Catalán D. (1964) El español en Canarias. Presente y futuro de la lengua española. Vol. 1. Madrid: Ediciones Cultura Hispánica. P. 239–280.
- Cohen M. (1971) Matériaux pour une sociologie du langage. I– I. Paris: Francois Maspero. 169 p.
- Coseriu E. (1981) Los conceptos de “dialecto”, “nivel” y “estilo de lengua” y el sentido propio de la dialectología. Lingüística española actual, no. 1. Madrid. pp. 1–32.
- Dauzat A. (1940) L'Europe linguistique. Paris: Payot. 267 p.
- Elliott J.H. (1963) The revolt of the Catalans. Cambridge: University Press. 623 p.
- Falch J. (1973) Contribution à l'étude du statut des langues en Europe. Québec: Presses de l'Université Laval. 280 p.
- Fernández Rei F. (1985) Áreas lingüísticas do galego actual. Actes del XVI Congrès Internacional de Lingüística i Filología Romàniques. T. 2. Palma de Mallorca: Moll. pp. 485–495.
- Freddi G. (1998) Lingua, etnia, nazione e nazionalismo. Ethnos e comunità linguistica: un confronto metodologico interdisciplinare. Atti del Convegno Internazionale. Udine, 5–7 dicembre 1996. Udine: Forum. P. 75–83.
- Gimeno Menéndez F. (1995) Sociolingüística histórica (siglos X–XIII). Madrid: Visor Libros. 251 p.
- Giordan H. (1975) L'enseignement de l'occitan. Langue française, 1975. no. 25. L'enseignement des «langues régionales». pp. 84–103.
- Goebel H. (1984) Sprachklassifikationen im Spannungsfeld zwischen Politik und Wissenschaft. Das Romanische in den Ostalpen. Vorträge und Aufsätze. Hrsg. von D. Messner. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. pp. 207–244.
- Grassi C. (1995) Teoria del dialetto. Dialetti e lingue nazionali. Roma. pp. 9–28.
- Haarmann H. (1979) Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Bd. 2. Studien zur Multilingualismusforschung und Ausbauparadigmatisierung. Hamburg: Buske. 423 p.
- Iordan I. (1956) Quelques problèmes de la langue littéraire. Revue de linguistique. T. 1. Bucarest: Editions de l'Académie de la République populaire roumaine. pp. 63–78.
- Joseph J.E. (1987) Eloquence and Power. The Rise of Language Standards and Standard Languages. London: Pinter. 199 p.
- Jucquois G. (1991) La diversité linguistique européenne: Données politiques et économiques d'un aménagement linguistique. La linguistique, vol. 27, 1. Paris: Presses Universitaires de France. pp. 29–58.
- Lamuela X., Murgades J. (1984) Teoria de la llengua literària segons Fabra. Barcelona: Quaderns Crema. 304 p.
- Lefebvre A. (1988) Les langues du domaine d'oïl. Des langues trop proches. Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 261–290.
- Maiden M. (1995) A Linguistic history of Italian. London – New York: Routledge. 318 p.
- Marcellesi J.-B., Gardin P. (1974) Introduction à la sociolinguistique. La linguistique sociale. Paris: Larousse. 263 p.
- Marcellesi J.-B. et le G.R.E.C.O. (1975) Basque, breton, catalan, corse, flamand, germanique d'Alsace, occitan: l'enseignement des “langues régionales” Langue française, 1975. no. 25. L'enseignement des «langues régionales». pp. 3–11.

- Marcos Marín F. (1979) *Reforma y modernización del español. Ensayo de sociolingüística histórica*. Madrid: Ediciones Cátedra, S. A. 149 p.
- Mariner Bigorra G. (1981) La distinción lengua/dialecto en sociolingüística. *Revista española de lingüística*, vol. 11, fasc. 2. Madrid: Sociedad Española de Lingüística. pp. 331–340.
- Maurand G. (1981) Situation linguistique d'une communauté en domaine occitan. *International journal of the sociology of language*, no. 29. Berlin: Walter de Gruyter. pp. 99–119.
- Meillet A. (1928) *Les langues dans l'Europe nouvelle*. Paris: Payot. 1928. 496 p.
- Melià J. (1970) Informe sobre la lengua catalana. Madrid: EMESA. 366 p.
- Mondéjar J. (1998) La clasificación de las lenguas románicas. VI. El iberorrománico. *LRL*. Bd. VII. pp. 968–977.
- Montes Giraldo J.J. (1987) *Dialectología general e hispanoamericana*. 2a ed. Bogotá: ICC. 267 p.
- Muljačić Ž. Rec.: Kloss H. (1982) Die Entwicklung neuer germanischen Kultursprachen seit 1800. *Düsseldorf*, 1978. *Archivio glottologico italiano*, 67. Firenze: Le Monnier. pp. 175–179.
- Muljačić Ž. (1989) Hanno i singoli diasistemi romanzi “emanato” le “loro” lingue standard (come di solito si legge) o hanno invece le lingue romanze determinato in larga misura a posteriori i “loro” dialetti? L'italiano tra le lingue romanze. *Atti del XX Congresso Internazionale di studi*, Bologna, 25–27 sett. 1986. Roma: Bulzoni. pp. 9–25.
- Ninyoles R. (1977) Cuatro idiomas para un estado (El castellano y los conflictos lingüísticos en la España periférica). Madrid: Cambio 16. 261 p.
- Olmi M. (1986) *Italiani dimezzati. Le minoranze etnico-linguistiche non protette*. Napoli: Edizioni Dehoniane. 175 p.
- Pellegrini G.B. (1971) *Classificazione delle parlate ladine. Actele celui dea-l XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică. II*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Pellegrini G.B. (1972) *Saggi sul ladino dolomitico e sul friulano*. Bari: Adriatica. 495 p.
- Puig i Moreno G. (1979) Einige soziolinguistische Grundbegriffe. *Sprachen im Konflikt. Theorie und Praxis der katalanischen Soziolinguisten. Eine Textauswahl*. Kremnitz G. (Hrsg.). Tübingen: G. Narr. pp. 58–67.
- Pulgram E. (1987) *Sprache, Dialekt, Diasystem*. Festschrift für Žarko Muljačić. Hamburg: Buske. P. 83–89.
- Salvador G. (1987) *Estudios dialectológicos*. Madrid: Paraninfo. 247 p.
- Sauzet P. (1988) L'occitan. *Langue immolée Vingt-cinq communautés linguistiques de la France*. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 208–260.
- Thiers J. (1988) Le corse. *L'insularité d'une langue Vingt-cinq communautés linguistiques de la France*. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 150–168.
- Tuaillon, Gaston. (1988) Le francoprovençal. *Langue oubliée. Vingt-cinq communautés linguistiques de la France*. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 188–207.
- Varvaro A. (1984) *La parola nel tempo. Lingua, società e storia*. Bologna: Il mulino. 242 p.
- Vilar P. (1982) *Estat, nació, socialisme. Estudis sobre el cas espanyol*. Barcelona: Curial. 223 p.

References

- Gukhman M.M. (1970) *Literaturniy yazyk [Literary language]. Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka*. M., Nauka. pp. 502–548. (in Russ.)
- Zhirmunskiy V.M. (1936) *Natsionalnyi yazyk i sotsialnye dialekty [National language and social dialects]*. Leningrad: Goslitizdat. 300 pp. (in Russ.)
- Alinei M. (1996) *Origini delle lingue d'Europa. I. La Teoria della Continuità*. Bologna: Mulino, 1996. (In Ital.)

- Alvar M. (1961) Hacia los conceptos de lengua, dialecto y hablas. Nueva Revista de Filología Española, año XV, no. 1–2. pp. 51–60 (In Span.)
- Ara A. (1998) Coscienza nazionale, lingua, patriottismo locale // Ethnos e comunità linguistica: un confronto metodologico interdisciplinare. Atti del Convegno Internazionale. Udine, 5–7 dicembre 1996. Udine: Università degli Studi di Udine. pp. 27–37 (In Ital.)
- Badia i Margarit A.M. (1981) Entorn dels conceptes de “Llengua” i “Dialecte” aplicats sobretot al català. Logos semantikos. Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu 1921–1981. Berlin – N.Y. – Madrid: Gredos (In Catalan)
- Bec P. (1973) Manuel pratique d’occitan moderne. Paris: A. et J. Picard. 219 p. (In French)
- Blaschke J. Handbuch der europäischen Regionalbewegungen. Frankfurt am Main: Syndikat. 335 p. (In Germ.)
- Bochmann K. (1985) Zum theoretischen Status und ideologischen Wert des Variationsbegriffes in der Romanistik. Linguistische Arbeitsberichte. 51. Sektion Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft. Leipzig. pp. 2–17 (In Germ.)
- Bochmann K. (1989) Regional- und Nationalitätensprachen in Frankreich. Italien und Spanien. Leipzig: Verlag Enzyklopädie. 219 p (In Germ.)
- Borrego Nieto J. (1981) Sociolingüística rural. Investigación en Villadepera de Sayago. Salamanca: Universidad de Salamanca. 383 p. (In Span.)
- Bossong G. (1979) Sprachausbau und Sprachpolitik in der Romania. Bildung und Ausbildung in der Romania. Bd. 2. Sprachwissenschaft und Landeskunde. Klopfer R. et al. (Hrsg.). München: Verlag Wilhelm Fink. pp. 491–503 (In Germ.)
- Boyer H. (1991) Langages en conflit. Études sociolinguistiques. Paris: L’Harmattan. 274 p. (In French)
- Carballo Calero R. (1980) A fortuna histórica do galego. Problemática das linguas sen normalizar. Situación do galego e alternativas. Aracil L.V. et al. Ourense: Caliza. pp. 15–27. (In Galician)
- Catalán D. (1964) El español en Canarias. Presente y futuro de la lengua española. Vol. 1. Madrid: Ediciones Cultura Hispánica. (In Span.)
- Cohen M. (1971) Matériaux pour une sociologie du langage. I–II. Paris: Francois Maspero. 169 p. (In French)
- Coseriu E. (1981) Los conceptos de “dialecto”, “nivel” y “estilo de lengua” y el sentido propio de la dialectología. Lingüística española actual, no. 1. Madrid. pp. 1–32. (In Span.)
- Dauzat A. (1940) L’Europe linguistique. Paris: Payot. 267 p. (In French)
- Elliott J.H. (1963) The revolt of the Catalans. Cambridge: University Press. 623 p.
- Falch J. (1973) Contribution à l’étude du statut des langues en Europe. Québec: Presses de l’Université Laval. 280 p. (In French)
- Fernández Rei F. (1985) Áreas lingüísticas do galego actual. Actes del XVI Congrés Internacional de Lingüística i Filología Romàniques. T. 2. Palma de Mallorca: Moll. pp. 485–495. (In Galician)
- Freddi G. (1998) Lingua, etnia, nazione e nazionalismo. Ethnos e comunità linguistica: un confronto metodologico interdisciplinare. Atti del Convegno Internazionale. Udine, 5–7 dicembre 1996. Udine: Forum. pp. 75–83 (In Ital.)
- Gimeno Menéndez F. (1995) Sociolingüística histórica (siglos X–XIII). Madrid: Visor Libros. 251 p. (In Span.)
- Giordan H. (1975) L’enseignement de l’occitan. Langue française, 1975. no. 25. L’enseignement des «langues régionales». pp. 84–103 (In French)
- Goebel H. (1984) Sprachklassifikationen im Spannungsfeld zwischen Politik und Wissenschaft. Das Romanische in den Ostalpen. Vorträge und Aufsätze. Hrsg. von D. Messner. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. pp. 207–44 (In German)

- Grassi C. (1995) Teoria del dialetto. Dialetti e lingue nazionali. Roma. pp. 9–28 (In Ital.)
- Haarmann H. (1979) Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Bd. 2. Studien zur Multilingualismusforschung und Ausbaukomparatistik. Hamburg: Buske. 423 p. (In Germ.)
- Iordan I. (1956) Quelques problèmes de la langue littéraire. Revue de linguistique. T. 1. Bucarest: Editions de l'Académie de la République populaire roumaine. pp. 63–78. (In French.)
- Jucquois G. (1991) La diversité linguistique européenne: Données politiques et économiques d'un aménagement linguistique. La linguistique, vol. 27, 1. Paris: Presses Universitaires de France. P. 29–58 (In French)
- Lamuela X., Murgades J. (1984) Teoria de la llengua literària segons Fabra. Barcelona: Quaderns Crema. 304 p. (In Catalan)
- Lefebvre A. (1988) Les langues du domaine d'oïl. Des langues trop proches. Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 261–290 (In French)
- Maiden M. (1995) A Linguistic history of Italian. London – New York: Routledge. 318 p.
- Marcellesi J.-B., Gardin P. (1974) Introduction à la sociolinguistique. La linguistique sociale. Paris: Larousse. 263 p. (In French)
- Marcellesi J.-B. et le G.R.E.C.O. (1975) Basque, breton, catalan, corse, flamand, germanique d'Alsace, occitan: l'enseignement des "langues régionales" Langue française, 1975. no. 25. L'enseignement des «langues régionales». pp. 3–11 (In French)
- Marcos Marín F. (1979) Reforma y modernización del español. Ensayo de sociolingüística histórica. Madrid: Ediciones Cátedra, S. A. 149 p. (In Span.)
- Mariner Bigorra G. (1981) La distinción lengua/dialecto en sociolingüística. Revista española de lingüística, vol. 11, fasc. 2. Madrid: Sociedad Española de Lingüística. pp. 331–340 (In Span.)
- Maurand G. (1981) Situation linguistique d'une communauté en domaine occitan. International journal of the sociology of language, no. 29. Berlin: Walter de Gruyter. P.99-119 (In French)
- Meillet A. (1928) Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris: Payot. 1928. 496 p. (In French)
- Melià J. (1970) Informe sobre la lengua catalana. Madrid: EMESA. 366 p. (In Span.)
- Mondéjar J. (1998) La clasificación de las lenguas románicas. VI. El iberorrománico. LRL. Bd. VII. pp. 968–977 (In Span.)
- Montes Giraldo J.J. (1987) Dialectología general e hispanoamericana. 2a ed. Bogotá: ICC. 267 p. (In Span.)
- Muljačić Ž. Rec.: Kloss H. (1982) Die Entwicklung neuer germanischen Kultursprachen seit 1800. Düsseldorf, 1978. Archivio glottologico italiano, 67. Firenze: Le Monnier. pp. 175–179 (In Germ.)
- Muljačić Ž. (1989) Hanno i singoli diasistemi romanzi "emanato" le "loro" lingue standard (come di solito si legge) o hanno invece le lingue romanze determinato in larga misura a posteriori i "loro" dialetti? L'italiano tra le lingue romanze. Atti del XX Congresso Internazionale di studi, Bologna, 25–27 sett. 1986. Roma: Bulzoni. pp. 9–25 (In Ital.)
- Ninyoles R. (1977) Cuatro idiomas para un estado (El castellano y los conflictos lingüísticos en la España periférica). Madrid: Cambio 16. 261 p. (In Span.)
- Olmi M. (1986) Italiani dimezzati. Le minoranze etnico-linguistiche non protette. Napoli: Edizioni Dehoniane. 175 p.
- Pellegrini G.B. (1971) Classificazione delle parlate ladine. Actele celui de-a XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică. II. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România (In Ital.)
- Pellegrini G.B. (1972) Saggi sul ladino dolomitico e sul friulano. Bari: Adriatica. 495 p. (In Ital.)
- Puig i Moreno G. (1979) Einige soziolinguistische Grundbegriffe. Sprachen im Konflikt. Theorie und Praxis der katalanischen Soziolinguisten. Eine Textauswahl. Kremnitz G.

- (Hrsg.). Tübingen: G. Narr. pp. 5–67 (In Germ.)
- Pulgram E. (1987) Sprache, Dialekt, Diasystem. Festschrift für Žarko Muljačić. Hamburg: Buske. pp. 83–89 (In Germ.)
- Salvador G. (1987) Estudios dialectológicos. Madrid: Paraninfo. 247 p. (In Span.)
- Sauzet P. (1988) L'occitan. Langue immolée Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 208–260 (In French)
- Thiers J. (1988) Le corse. L'insularité d'une langue Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. T. 1. Paris: Harmattan. P. 150–168 (In French)
- Tuaillon, Gaston. (1988) Le francoprovençal. Langue oubliée. Vingt-cinq communautés linguistiques de la France. T. 1. Paris: Harmattan. pp. 188–207 (In French)
- Varvaro A. (1984) La parola nel tempo. Lingua, società e storia. Bologna: Il Mulino. 242 p. (In Ital.)
- Vilar P. (1982) Estat, nació, socialisme. Estudis sobre el cas espanyol. Barcelona: Curial. 223 p. (In Catalan)

Нарумов Борис Петрович (1946–2007) – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.
Адрес: 125009 Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12. Эл. адрес: chelirin@gmail.com

Для цитирования: Нарумов Б.П. О некоторых критериях противопоставления языка и диалекта в романском языкознании. [Электронный ресурс]. Социоллингвистика. 2020, № 4(4). С. 198–216 DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-198-216

For citation: Narumov B.P. Criteria for LANGUAGE vs DIALECT differentiation in Romance linguistics. Sociolinguistics, 2020, no. 4(4) [online], pp. 198–216 (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-198-216